

ИСТОРИОГРАФИЯ «БУРТАССКОЙ ПРОБЛЕМЫ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.

Аннотация.

Актуальность и цели. Несмотря на 150-летнюю историю изучения, «буртасская проблема» до сих пор носит остро дискуссионный характер. До середины прошлого века преобладала точка зрения о мордовском этносе буртасов, в основе которой лежали данные арабских источников. В настоящее время широко используются материалы комплексных исследований. Цель работы – проанализировать современные взгляды востоковедов, археологов и лингвистов по «буртасской проблеме».

Результаты. Буртасы – это средневековый народ, известный по сообщениям арабских авторов, большая часть которых датируется IX в. Фрагментарность письменных источников не позволяет решить проблему его этнической принадлежности и территориальной локализации, гипотетический характер имеет и реконструкция основных этапов исторического развития.

Выводы. Использование данных лингвистики и археологии позволило исследователям остановиться на трех основных концепциях этнической принадлежности буртасов: мордовской, аланской и тюркской, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Возможно, что название этого народа возникло в аланской среде, затем было перенесено на среднецинскую мордву, а к XVI в. закрепилось за тюркоязычным населением Западного Поволжья.

Ключевые слова: буртасы, Волжская Болгария, мордва, аланы, салтово-маяцкая культура, историография, средневековье.

V. V. Stawitsky

HISTORIOGRAPHY OF «BURTASSKAYA PROBLEM» IN THE SECOND HALF OF XX – BEGINNING XXI CENTURY

Abstract.

Background. Despite the 150-year history of the study the «burtasskaya problem» still remains to be of acutely controversial nature. Until the middle of the last century, there existed a prevailing view of Mordovian ethnicity of Burtases. It was based on the data from Arabian sources. Now the materials of complex researches are widely used. The aim of the article is to analyze the current views of orientalis, archaeologists and linguists on «burtasskaya problem».

Results. Burtasy are the medieval people known from the reports by Arabian authors, most of which are dated back to IX century. Fragmentariness of the written sources does not solve the problem of ethnicity and territorial localization, and has speculative reconstruction of the main stages of historical development.

Conclusions. Usage of the data of linguistics and archeology allowed the researchers to focus on three basic concepts of ethnicity of Burtases: Mordovian, Alan and Turkic, each of which has its own strengths and weaknesses. It is possible that the name of the people appeared in Alan environment, then was shifted to srednetsinskaya Mordovians and in XVI century was assigned to the Western Turkic-speaking population of the Volga region.

Key words: Burtases, Volga Bulgaria, Mordovians, Alans, Saltovo-Mayak culture, historiography, Middle Ages.

До середины прошлого века большинство исследователей склонялось к точке зрения о мордовской принадлежности буртасов, хотя высказывались и альтернативные гипотезы. В 1960 г. Б. А. Васильевым была опубликована статья «Проблема буртасов и мордва», обширный раздел в которой был посвящен истории изучения «мордовско-буртасской проблемы» [1, с. 181–199], что освобождает нас от необходимости историографического анализа более ранних работ. В этой статье автор на основе топонимических данных, сведений арабских путешественников и актовых документов XV–XVII вв. приходит к выводу о тождественности мажар (предков татар-мишарей) и буртасов [1, с. 200–210]. Однако приводимые им аналогии и сопоставления, к сожалению, не всегда корректны. Так, например, на основе отождествления Ибн-Русте верований и обычаев буртасов с обрядами гузов Б. А. Васильев переносит на первых погребальную обрядность гузов, имевшую характерные кочевнические черты, которые подробно описаны Ибн-Фадланом [1, с. 201]. При этом он игнорирует тот факт, что погребальная обрядность буртасов описана самим Ибн-Русте, в изложении которого она не имеет ничего общего с обрядностью гузов Ибн-Фадлана. Пытаясь объяснить многочисленные сведения арабских авторов о том, что главным богатством страны буртасов являются меха бобров и куниц, Б. А. Васильев приписывает буртасам посредническую торговлю этим товаром. Между тем в текстах арабских источников «Каспийского свода» неоднократно говорится о купцах хорезмийцев, хазар, болгар и русов, но нет ни одного упоминания о занятиях торговлей буртасами [2]. Не соответствует действительности тезис Б. А. Васильева о совпадении топонимических названий мажар и буртас, которое, судя по приведенной им карте, носит случайный характер. По словарю В. Даля «мажары» в русском языке обозначает бугристое место, древний могильник (по-видимому, курганный – прим. автора), по которому и могли получить название села, обозначенные на карте [1, с. 204, карта]. Видимо, не случайно, что ни одного такого названия села нет в лесной Мещере, где известно множество сел татар-мишарей, но практически нет курганных могильников.

Возможность полного отождествления татар-мишарей с буртасами впоследствии была подвергнута аргументированной критике со стороны Д. М. Исхакова, который констатировал, что мишарскую этническую общность надо рассматривать не как прямое продолжение «можерян» [буртасов], а как результат взаимодействия нескольких этнических компонентов, среди которых «можеряне» являлись далеко не единственной составляющей [3, с. 219–220].

В своей статье Б. А. Васильев пришел к выводу, что возможности интерпретации известных письменных источников о буртасах уже практически исчерпаны, поэтому особые надежды возлагались им на получение новых данных с помощью археологических раскопок. В этом плане особенно важными оказались исследования 1950-х гг. М. Р. Полесских, которым на территории Пензенской области были открыты городища и селища XI – начала XIII в. с гончарной красно-коричневой керамикой, по ряду параметров сходной с посудой Волжской Болгарии. Данные материалы были интерпретированы им в качестве памятников тюркоязычных буртасов [4, с. 131]. Также им было выдвинуто предположение, что на территории Пензенской области буртасы появились после разгрома Святославом Хазарского каганата в конце

X – начале XI в. и жили здесь до татаро-монгольского нашествия, во время которого они слились с завоевателями [5, с. 103]. Позже в своей заключительной статье, которая была опубликована уже после его выхода на пенсию, он пришел к выводу, что на территории Пензенского края буртасы жили чересполосно с мордвой и поддерживали тесные торговые отношения с Волжской Болгарией [6, с. 67–68]. Слабой стороной концепции М. Р. Полесских является перенесение письменных свидетельств арабских авторов, относящихся к IX в., на археологические памятники XI – начала XIII в.

Тезис о тюркоязычности буртасов был поддержан А. Х. Халиковым, которым в Пензенской области были организованы раскопки Армиевского курганно-грунтового могильника IX–XI вв., также отнесенного им к буртасам, что позволило углубить историю «пензенских» буртасов до IX в., т.е. до того времени, когда они попали на страницы арабских рукописей. Определенные аналогии погребальному обряду и некоторым артефактам этого памятника были найдены А. Х. Халиковым в курганных могильниках кердерской культуры Северного Приаралья, что позволило ему выдвинуть предположение о приаральских истоках армиевского населения, откуда оно было вытеснено не позднее начала IX в. тогуз-огузами [7, с. 92–93]. Также А. Х. Халиковым было отмечено, что погребальный обряд Армиевского могильника соответствует сообщениям арабских авторов Ибн-Русте и Гардизи о том, что одни буртасы сжигают своих покойных, а другие хоронят, а оружие их состоит из двух дротиков, топора и лука [7, с. 91]. С этим трудно согласиться, поскольку по результатам раскопок А. Х. Халиковым реконструируется очень сложная погребальная обрядность: очищение покойного от мягких тканей, строительство деревянных сооружений, сжигавшихся при погребении, возведение курганов и т.д. Почему-то данные ритуалы не нашли отражения в арабских источниках, хотя во всех сочинениях описанию погребальных обрядов уделяется особое место [8, с. 13]. Весьма редкой находкой в армиевских захоронениях являются боевые топоры и дротики, зато характерны кавалерийские пики [8, с. 11]. Противоречит письменным источникам и тезис о тюркоязычности буртасов, поскольку имеется прямое свидетельство о том, что их язык отличен от языка тюрок [8, с. 14].

При интерпретации материалов Армиевского курганно-грунтового могильника А. Х. Халиковым признается наличие местного мордовского компонента [7, с. 90], но его роль явно приуменьшается. Между тем, как показали публикации материалов могильника П. И. Сафронова, в керамических традициях его носителей преобладают мордовские формы сосудов, которые находят близкие аналогии как в более ранних материалах Армиевского грунтового могильника V–VI вв., так и в синхронных ему памятниках среднециннской мордвы [9, с. 313]. К неместным изделиям относятся только блюдообразные формы сосудов, ближайшие аналоги которым имеются в керамике Волжской Болгарии [10, с. 34–35], но таких сосудов немного. По всей видимости, материалы Армиевского курганно-грунтового могильника иллюстрируют процесс седентеризации какой-то разнородной группы кочевников, преимущественно состоявшей из мужчин-воинов (все подкурганные погребения мужские), в ходе которой было ассимилировано местное мордовское население.

Дальнейшее развитие традиций культуры носителей Армиевского курганно-грунтового могильника А. Х. Халикову видится в пензенских па-

мятников с коричнево-красной гончарной керамикой. По его мнению, в предмонгольское время буртасы попадают под власть Волжской Болгарии, в результате чего происходит их булгаризация [11].

Концепция А. Х. Халикова получила дальнейшее развитие в работах Г. Н. Белорыбкина, который продолжил исследование пензенских памятников с коричнево-красной гончарной керамикой. По его мнению, начиная с XI в. Верхнее Посурье, а с XII в. и Верхнее Примокшанье вошли в состав Волжской Болгарии. Наряду со старыми родоплеменными селениями мордвы здесь возникли новые поселения – города, крепости, ремесленные поселки, торговые фактории, формировалась местная администрация [12, с. 98]. Близких взглядов придерживаются В. А. Винничек и К. М. Киреева, являющиеся авторами монографии о торговле X–XIV вв. в Верхнем Посурье и Примокшанье [13], ряд положений которой при рецензировании был подвергнут критике автором данной статьи [14, с. 239–242].

Вопреки мордовской историографии Г. Н. Белорыбкин считает, что буртаским, а не мордовским князем являлся Пургас, который со своей дружиной захватил мордовские земли и установил здесь свою власть [12, с. 99]. Отметим, что последний тезис основан: на созвучии слов «буртас» и «Пургас»; на использовании Пургасом засадной тактики в боях с русскими, которая больше характерна для болгар, чем для мордвы; и на предположении о том, Пургасова волость, как многие раннефеодальные образования, видимо, не имела моноэтнического характера. Практически противоположная точка зрения на эту проблему высказана Ю. А. Зеленевым. По его мнению, в предмонгольское время на данной территории скорее всего преобладало не болгарское, а мордовское население, которое создало здесь раннегосударственное (предгосударственное) объединение во главе со своим князем (инязором) Пурешем [15, с. 45].

Тезис о неправомерности включения земель Посурья в состав Волжской Болгарии также был обоснован в докторской диссертации К. А. Руденко [16, с. 40]. Ряд существенных отличий в керамических традициях населения данных регионов отмечает и Е. П. Казаков. По его мнению, поселения с красно-коричневой гончарной керамикой в Верхнем Посурье были оставлены в конце X – XI в. группой болгар, которая при миграции с юго-востока Европы осела в мордовских землях, не дойдя до Волги [17, с. 79–84]. Факту булгаризации буртасов противоречит и отсутствие в Посурье среди памятников XI–XII вв. мусульманских могильников, которые неизбежно должны были здесь появиться, поскольку, судя по арабским источникам этого времени, распространение ислама становится одним из внешнеполитических приоритетов Волжской Болгарии.

Следует отметить, что концепция А. Х. Халикова и Г. Н. Белорыбкина по ряду позиций была подвергнута критике со стороны А. В. Расторопова, который поставил под сомнение объективность их интерпретации ряда письменных источников, поскольку арабские географы X в. имели о Восточной Европе скорее теоретические, нежели реальные знания. Поэтому все рассуждения о территории и хронологии сведений о буртасах могут иметь только предположительный характер [18, с. 24]. Сам А. В. Расторопов постарался подобрать археологические аргументы в пользу гипотезы Б. А. Васильева о мадьярском происхождении буртасов, которую он считал наиболее вероят-

ной. В целом же А. В. Расторопов констатировал, что археологическую культуру буртасов пока выделять рано, поскольку для окончательного решения данной проблемы недостаточно как письменных, так и исследованных археологических источников [18, с. 26–29].

Оригинальная концепция об аланской принадлежности буртасов с опорой на данные лингвистики и археологии была разработана Г. Е. Афанасьевым. Им была переосмыслена локализация буртасских племен, археологическое отражение культуры которых он видит в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры [19, с. 142–167]. Данная проблема была обсуждена им в рамках дискуссии с А. Х. Халиковым на страницах журнала «Советская этнография» [20, 21]. Причем аргументы Г. Е. Афанасьева выглядят в ней более убедительными, в том числе и ираноязычная этимология слова «буртасы», поскольку корень «ас», «яс» используется именно в самоназваниях иранских народов. Однако определенная нестыковка с археологическими материалами по населению салтово-маяцкой культуры имеется с данными арабских источников. Прежде всего локализации салтово-маяцкой культуры, расположенной в лесостепном Подонье, не совсем соответствуют природные условия, описанные арабскими географами, которые скорее характерны для лесной зоны. Во-вторых, степень социально-политического развития алан, находящихся на уровне развития раннеклассовых отношений, противоречит картине родоплеменной разобщенности буртасов. Кроме того, определенные отличия имеются в наборе вооружения погребальных комплексов салтово-маяцкой культуры и оружия буртасов, описанного Гардизи [8, с. 11–14]. По перечисленным параметрам сведениям арабских источников в большей степени соответствуют материалы памятников среднецнинской мордвы IX–XI вв., которая испытала на себе сильное влияние со стороны салтово-маяцкой культуры. Инкорпорация воинской элиты алан [асов] в мордовское общество в принципе могла привести и к переносу на местное население этнонима «буртас». На заре складывания раннеклассовых отношений такие примеры не редки [8, с. 12]. Причем гипотеза о буртасской идентификации данных памятников ранее высказывалась А. Е. Алиховой [22, с. 5]. Не исключается подобная возможность и Г. Е. Афанасьевым [23, с. 96]. Впоследствии какая-то часть данного населения в результате влияния внешних факторов, связанных с переселением в Мещеру предков татар-мишарей, могла перейти на один из диалектов тюркского языка, что нашло отражение в актовых документах XVI–XVII вв., где упоминаются деревни, заселенные «буртасами – посопными татарами» [1, с. 185].

Занимательная, но маловероятная версия идентификации буртасов с «бродниками» русских летописей недавно была предложена О. К. Бубенком, который выдвинул ее на основе перевода слова «буртасы» с осетинского: «фурд-асы», что означает «речные люди». По мнению О. К. Бубенка, подобное название они могли получить по роду своих профессиональных занятий, заключавшихся в обслуживании ими речных переправ [24, с. 130–131].

На наш взгляд, наиболее вероятной версией на настоящий момент является гипотеза, по которой название «буртасы» возникло в аланской среде, затем было перенесено на среднецнинскую мордву, а к XVI в. закрепилось за тюркоязычным населением Западного Поволжья.

Список литературы

1. **Васильев, Б. А.** Буртасы и мордва / Б. А. Васильев // Вопросы этнической истории мордовского народа. – М., 1960. – Т. 63, вып. 1. – С. 180–210.
2. **Заходер, Б. Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе / Б. Н. Заходер. – М. : Изд-во восточной литературы, 1962. – 281 с.
3. **Исхаков, Д. М.** От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.) / Д. М. Исхаков. – Казань : Мастер Лайн, 1998. – 267 с.
4. **Ставицкий, В. В.** Археологические изыскания М. Р. Полесских / В. В. Ставицкий. – Пенза : ПГКМ, 2008. – 176 с.
5. **Полесских, М. Р.** Археологическое изучение Пензенской области с 1950 по 1963 г. / М. Р. Полесских // Ученые записки государственного педагогического института. Серия историческая. – Вып. XII. – Саратов, 1965. – С. 94–103.
6. **Полесских, М. Р.** О культуре и некоторых ремеслах оболгаризированных буртас / М. Р. Полесских // Из истории ранних болгар. – Казань, 1981. – С. 56–68.
7. **Халиков, А. Х.** Буртасы и их историко-археологическое определение / А. Х. Халиков // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов : тезисы к межобластной науч. конф. (23–27 января 1990 г.). – Пенза, 1990. – С. 88–97.
8. **Ставицкий, В. В.** Еще раз о мордве и буртасах / В. В. Ставицкий // Центр и периферия. – 2013. – № 2. – С. 8–16.
9. **Сафронов, П. И.** Погребальный инвентарь грунтовых захоронений армиевского курганно-грунтового могильника (по материалам раскопок 1981 г.) / П. И. Сафронов // Археология Восточноевропейской лесостепи : сб. материалов. – Пенза : ПИРО, 2013. – Вып. 3. – С. 308–329.
10. **Хлебникова, Т. А.** Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения / Т. А. Хлебникова. – М. : Наука, 1984. – 240 с.
11. **Халиков, А. Х.** Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария / А. Х. Халиков. – Казань : ФЭН, 1994. – 102 с.
12. **Белорыбкин, Г. Н.** Западное Поволжье в средние века / Г. Н. Белорыбкин. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2003. – 200 с.
13. **Винничек, В. А.** Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. / В. А. Винничек, К. М. Киреева. – Пенза : ПИРО, 2012. – 149 с.
14. **Ставицкий, В. В.** Рецензия на монографию Винничека В. А., Киреевой К. М. «Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв.» / В. В. Ставицкий // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2013. – № 1. – С. 239–242.
15. **Зеленев, Ю. А.** Лесостепное Поволжье в XIII веке / Ю. А. Зеленев // Центр и периферия. – 2010. – № 4. – С. 44–47.
16. **Руденко, К. А.** Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X – XIV в. по археологическим данным : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Руденко К. А. – Ижевск, 2004. – 47 с.
17. **Казаков, Е. П.** Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия / Е. П. Казаков. – Казань : Институт истории АН РТ, 2007. – 208 с.
18. **Расторопов, А. В.** Загадочные буртасы / А. В. Расторопов // Краеведение. – 1998. – № 1–2. – С. 22–30.
19. **Афанасьев, Г. Е.** Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г. Е. Афанасьев – М. : Наука, 1987. – 201 с.
20. **Афанасьев, Г. Е.** Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры / Г. Е. Афанасьев // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 164–169.
21. **Халиков, А. Х.** К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X в. / А. Х. Халиков // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 161–164.

22. Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы) / науч. обраб. и введение А. Е. Алиховой // Археологический сборник / под общ. ред. А. П. Смирнова. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1969. – Т. 3. – 176 с.
23. **Афанасьев, Г. Е.** Буртасы / Г. Е. Афанасьев // Исчезнувшие народы. – М., 1988. – С. 85–96.
24. **Бубенок, О. Б.** Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII в.) / О. Б. Бубенок – К. : Логос, 1997. – 224 с.

References

1. Vasil'ev B. A. *Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda* [Problems of ethnic history of Mordva people]. Moscow, 1960, vol. 63, iss. 1, pp. 180–210.
2. Zakhoder B. N. *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope* [Caspian information collection on the Eastern Europe]. Moscow: Izd-vo vostochnoy literatury, 1962, 281 p.
3. Iskhakov D. M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni (etnologicheskiy vzglyad na istoriyu volgo-ural'skikh tatar XV–XVII vv.)* [From medieval tatars to contemporary tatars (ethnological view on the history of Volga-ural tatars in XV–XVII centuries)]. Kazan: Master Layn, 1998, 267 p.
4. Stavitskiy V. V. *Arkheologicheskie izyskaniya M. R. Polesskikh* [Archeological research by M. R. Polesskikh]. Penza: PGKM, 2008, 176 p.
5. Polesskikh M. R. *Uchenye zapiski gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Seriya istoricheskaya* [Proceedings of the State Pedagogical Institute. Historical series]. Iss. XII. Saratov, 1965, pp. 94–103.
6. Polesskikh M. R. *Iz istorii rannikh bolgar* [From the history of early bolgars]. Kazan, 1981, pp. 56–68.
7. Khalikov A. Kh. *Voprosy etnicheskoy istorii Volgo-Don'ya v epokhu srednevekov'ya i problema burtasov: tezisy k mezhoblastnoy nauch. konf. (23–27 yanvarya 1990 g.)* [Problems of ethnic history of Volga-Don region in the Middle Ages and the problem of Burtas people: theses of the Interregional conference (23–27 January 1990)]. Penza, 1990, pp. 88–97.
8. Stavitskiy V. V. *Tsentr i periferiya* [Center and provinces]. 2013, no. 2, pp. 8–16.
9. Safronov P. I. *Arkheologiya Vostochnoevropeyskoy lesostepi: sb. materialov* [Archeology in th East-European forest-steppe: proceedings]. Penza: PIRO, 2013, iss. 3, pp. 308–329.
10. Khlebnikova T. A. *Keramika pamyatnikov Volzhskoy Bolgarii. K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniya* [Ceramics of the monuments in Volga Bulgaria. On the problem of ethnocultural composition of population]. Moscow: Nauka, 1984, 240 p.
11. Khalikov A. Kh. *Mongoly, tatory, Zolotaya Orda i Bulgariya* [Mongols, tatars, the Golden Horde and Bulgaria]. Kazan: FEN, 1994, 102 p.
12. Belorybkin G. N. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka* [Wester Volga region in ihe Middle Ages]. Penza: PGPU im. V. G. Belinskogo, 2003, 200 p.
13. Vinnichuk V. A., Kireeva K. M. *Torgovlya v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI–XIV vv.* [Trade in upper Sura region and Mokshan region in XI–XIV centuries]. Penza: PIRO, 2012, 149 p.
14. Stavitskiy V. V. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya* [Bulletin NII of humanities under the government of the Republic of Mordovia]. 2013, no. 1, pp. 239–242.
15. Zeleneev Yu. A. *Tsentr i periferiya* [Center and provinces]. 2010, no. 4, pp. 44–47.
16. Rudenko K. A. *Protsessy etnokul'turnogo vzaimodeystviya v Volgo-Kam'e v kontse X–XIV v. po arkheologicheskim dannym: avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Processe of ethnocultural interaction in Volga-Kama region at the end of X–XIV centuries according to archeological data: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Izhevsk, 2004, 47 p.

17. Kazakov E. P. *Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX–XIV vv.: problemy vzaimodeystviya* [Volga bolgars, ugrics and finns in IX–XIV centuries: problems of interaction]. Kazan: Institut istorii AN RT, 2007, 208 p.
18. Rastoropov A. V. *Kraevedenie* [Regional studies]. 1998, no. 1–2, pp. 22–30.
19. Afanas'ev G. E. *Naselenie lesostepnoy zony basseyna Srednego Dona v VIII–X vv. (alanskiy variant saltovo-mayatskoy kul'tury)* [Population of the forest-steppe area of Middle Don basin in VIII–X centuries (alan variant of salts-mayats culture)]. Moscow: Nauka, 1987, 201 p.
20. Afanas'ev G. E. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1985, no. 5, pp. 164–169.
21. Khalikov A. Kh. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1985, no. 5, pp. 161–164.
22. *Arkheologicheskiy sbornik* [Archeological collection]. Ed. A. P. Smirnov. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1969, vol. 3, 176 p.
23. Afanas'ev G. E. *Ischeznuvshie narody* [Extinct nations]. Moscow, 1988, pp. 85–96.
24. Bubenok O. B. *Yasy i brodniki v stepyakh Vostochnoy Evropy (VI – nachalo XIII v.)* [Yases and brodniks in steppes of Eastern Europe (VI – early XIII centuries)]. Kiev: Logos, 1997, 224 p.

Ставицкий Владимир Вячеславович

доктор исторических наук, доцент,
профессор, кафедра всеобщей истории,
историографии и археологии,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor, sub-department
of general history, historiography
and archaeology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 930.1[09]

Ставицкий, В. В.

Историография «буртасской проблемы» второй половины XX – начала XXI в. / В. В. Ставицкий // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 84–91.